

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

К 50-ЛЕТНЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ

О ЧЕХОНТЕ И О ЧЕХОВЕ

ИЗ АРХИВА
С. В. ЯБЛОНОВСКОГО

Этих идей Чехова, которую пронес-
гал Достоевский.

Видит Чехов человеческую без-
защитность, и всё симпатично его на-
сторонь этих неуверенных, кристо-
сообща, не приходящих к христиан-
ству, неспособных прожить се-
бя доверью людям. И ни из того,
как будто бы не способны всё эти
Гавны, Раневские, Семеновы-Пани-
ки, Чебутыкины, дяди Ваня, люди
— Пережаты — Пазе, спивавшиеся
Астровы, напавшиеся Иваны...
длинная-длинная вереница взрослых
детей, мятущихся в зародках, они,
и восторженные, и никакие
государства не восторжествуют, а то
государства, в котором находятся,
не сумеют защитить, отдадут его
на поток в разграбление плейным и
безумным хищникам. Анархизм
это, и Чехов, как будто бы ничего
не проповедывавший, сознательно
или бессознательно повторил вели-
кое благословение Нагорной Пропов-
сти, благословение нищим духом,
плачущим, кротким, алчущим и
жаждущим правды, милостивым и
чистым сердцем.

Добрый и деликатный, Чехов на-
шел много суровости в своей душе
к "устроившимся" и преуспевающим.
Законники и государственни-
ки только тогда найдут у него от-
клик, когда, подобно тайному со-
ветнику Гунзаву, вдруг сойдут с
высоты своего величия и окажутся

нагими, проитрафавшимися пе-
ред жизнью детьми.

Как выкарабкается из этой ан-
типоны, необходимость жить и не-
желание строить свои жизни на
поражении других, как делают Жо-
нахины. Это страшное противореч-
ие может быть ядро, чем когда-
нибудь, стоит сейчас перед русским
народом, но вряд ли в лонах иста-
лит себя выход русский народ,
как бы ни было разумно лонахис-
тво. Щедрина говорит о том, когда
придется "дурку" выбирать меж-
ду практичностью и дурачеством.
Щедрина понимает, что это будет
страшный день, но надеется, что и
тогда "дурак" предпочтет оставать-
ся дураком. Жонахистовство, зо-
нать других не станет.

Здесь особенно сказались глубо-
чайшая национальность Чехова.

Нашего прекрасного писателя те-
перь не больше и больше перево-
дят на иностранные языки; им не-
обыкновенно увлекаются в Англии
и в Америке, но понимают ли при
этом, что сущности Чехова они не
понимают? Больше или меньше раз-
бавляются в этом, и например ма-
ститый французский славист проф.
Омал, выступавший в Сорбонне, в
День Русской Культуры с речью о
Чехове, принес ему свое восхище-
ние, заявил, что считает его гораз-
до выше Мопассана, но сказал, что,
изучая Чехова в течение сорока лет,
понимает только Чехова — первой
половины его творчества; Чехова
же неслыханно и всего русского
неспособна в его неопределяемой
устраемленности, — не понимает со-
вершенно.

Это во всяком случае честно,
искренне и сознательно.
Поразительно то, что Чехов сам

нашел разрешение трагической
проблемы: нашел его не в каком-
либо казненном восторжении, а для
в себя собственной жизни. Обыкно-
венно слабые готовы восхвалять
слабым, дурным и слабостям сочув-
ственно симпатизировать своим силам.

Жизнь Чехова была полной про-
тивобороздностью жизни но слабым
героизм. Необыкновенно рано нача-
л строгий он себя естественным опе-
куном семьи, с той дльзентностью,
какую наизусть только в крестьян-
ской среде. Просто, конечно, не-
обыкновенно умело устанавливал он
отношение к разным, полустепен-
ским, полустаринским, и его ав-
торитет признавался, как непрелом-
ное.

Познакомившись на лекции по
творчеству Чехова, который учил его
брат, с восторгом о Сахарине, Че-
хов ринет ехать туда, чтобы из-
следовать положение на мейст.
Предварительно прочитывается мно-
жество книг, собираются материа-
лы. Затем происходит восторженное
исследование на мейст; Чехов иш-
ном прошел весь Сахарин с сибера
на юг, привозил первую неофициаль-
ную переписку, и написал первую
неофициальную до сих пор книгу об
этом "Человеком остров".

Когда разражается год 1891 —
1892 гг., Чехов жертвует в сборни-
ки свои произведения, жертвует
денегми, собирает деньги, берет
"на год" в Нижегородскую губер-
нию, организует съездку у крестьян
запалей, которые должны были бы
погибнуть от безжизненности и кото-
рых, прокурив зим, весной без-
платно воздал бездомным.

Надвинулась холера. Чехов уже
член санитарного совета, безплат-
но заботит холерным участком, со-
бирает деньги и покрывает двадцать
пять деревень и сел дичебыми, са-
нитарными и питательными супа-
ми.

Все это тихо, дльзентно, в высо-
кой степени практично.

В Новоросии, около своего им-
ния, Чехов построил для крестьян
школу, выстроил пожарный сарай,
построил колодезь, ввел всече-
скую культуру. Крестьян он лечит,
учит, занимается акушерством...
Создавая общественная жизнь.

Любовно строит и свое собствен-
ное гильзничко — сначала в Мо-
лихов, а потом в нагания, в Яз-
те. Как Астров, сажает деревья,
разбивает сады, вносит всюду
жизнь, но имья копейки за душою,
и мечтает о том, как "дйт через
двести, через триста", все это бу-
дет прекрасно.

Насажает культуру в своем род-
ном Таганроге: жертвует ему свою
библиотеку, посылает все получе-
мые им книги с автографами пи-
сателей, устраивает музей, худож-
ники и скульпторы посылают туда,
но его просьбы свои произведения.

Принимает Чехов участие в на-
родной переписи и почти единично
проводит ее в своем участке, по-
лучив за это жалованье. Упомянет он
об устройстве народного дома в Мо-
скафе.

Отказывается от звания академи-
ка, когда несправедливо, но его мн-
ним, не утверждают в этом звании
Максима Горького. Это понятие со
стороны граждански боевого Коро-
ленка, но, оказывается, что в на-
ходящийся в стороне от биты сво-
бодный художник умлет стоять на
посту.

Великая любовь к слабым и со-
вершенно исключительная практи-
ческая дльзентность. Практиче-
ская... но для себя, а для других.

Может быть, в этом и есть рё-
шение? Отдайте все, что имеем,
но умейте созидать, чтобы было,
что отдать. Забудьте о себе, но ра-
ботайте для других. В тй дни, ко-
гда таких людей становится много, не-
счелает непримиримость жизни на
земли с жалкими хотя бы Нагор-
ной Проповсти.

Пятьдесят лет тому назад пре-
красное творчество и прекрасная
жизнь оборвались. Чехов умер, лю-
бимый и уважаемый даже теми,
кто не мог понять его.

Второго июля 1904 года был
страшный день. Все испытало по-
грусть, но страдание — уже вели-
кой потерей.

Россия была в тавурь.
Травурное путешествие из Ваен-
нейлера в Москву, прощание с до-
рогим писателем по пути на рве-
ские станицы, cortege по улицам
Москвы, похороны в Ново-Давидьям
монастырь...

Особенно ярко сохранилась в па-
мяти минута:

Стою с артистами в подлйях
Художественного, Чеховского театр-
а, около которого останавливается
шествие. Рядом со мной стоит и по-
ют басами пльчю память Чехову
диз его товарища по первому хо-
ру: Максим Горький и Шаляпин...
Взывают их голоса в общем со-
зданное плйне многих, многих тысяч
людей...

Вечная память...
Сергй Яблонский

"Антоша Чехонте", — прозвал
малый батюшка таганрог-
ской гимназии своего младого учени-
ка, Антона Чехова, "милкого ушан-
ни с лунообразным лицом и ухмы-
ляющейся улыбкой".

Не подозревал добрый батюшка,
очевидно любивший симпатичного
малышугана, что от него, батюшки,
только и останется в потахств,
что панчка, которую он дал этому
ребенку, и которую тот взял впо-
следствии своим пельзюшником.

Не подозревал разумеется, и
школьные товарищи, какой необык-
новенный наблюдатель и бытописа-
тель находится между ними; сколь-
ких из них, из их родителей, из
педагогов поместит он в свою ко-
лекцию.

Не подозревал сам Чехов, не
только тогда, когда "багдотушно
распывтал" он в гимназии полурус-
ского южного горца, но и много
позже, что из себя представляет.

Двадцати лет, отиравая в 1880
году в "Стрекозу" свой первый раз-
сказ "Письмо к ученому соседу",
он был убежден, что пишет для то-
го, чтобы материально помочь се-
мье, и что этот род занятий для не-
го, студента, самый выгодный, ме-
лче всего мльзующий прохождение
курса и, пожалуй, самый приятный.

Писал еще не Чехов, писал Ан-
тоша Чехонте: писал, забавляясь,
дурчась, писал, подчас примешива-
вший на перилах кулацких; и так
же не знал плны отирающему в
журналах, как не знали — просто
им. Господи... бездарные и плель-
но зливающие остроумия редакторы
"мористических" журналов.

Вряд ли в каком другом из рус-
ских писателей было так развито
это святое, свято-младенческое,
монотонное начало, как в Чехове.
Помните, в письме к Григорови-
чу:

"Если у меня есть дар, который
сдйзает уважать, то каюс, перед
чистотой моего сердца, я до сих
пор не уважал его... За пять лет
моего шатания по газетам и ушля
пропущенных... общим взглядом на
свою литературную мелкость... Как
репортеры пишут свои заметки о
покарах, так я писал свои расска-
зы: машинально, полубессознатель-
но, нмало не заботясь ни о чи-
тателй, ни о себе самом..."

Он не заботился, но то, что вля-
ло над ним, заботилось и охраняло
его.

"Писал я и вкисчески старался
не потратить на рассказ образы и
картин, которые мль дороги, и ко-
торые я, Бог знает почему, берег и
тицательно прятал".

Этот, 1886 год, — рубежный в
жизни Чехова. В биографическом
очерке, приложенном к одному из
изданий Чехова, и говорю, что в это
время из куколки вышла бабочка.
Это — не метафора, это совершенно
точное указание на пребывание
Чехова в двух различных состояни-
ях: Антоши Чехонте и Антона Пав-
ловича Чехова.

Все у них разное. Лунообразное
лицо, наивные, немного сонные, чу-
десные глаза с поволокой — сла-
бое лицо, но простенькое; деревен-
ский нарек — вот вышность Ан-
тоши Чехонте.

Тонкое, изящное лицо с очень
удивленным овалом, с глазами суро-
го добрыми, чуть-чуть грустными,
знающими и понимающими. Они
претально, вплотную смотрят в
жизнь. Лицо в высокой степени ин-
телигентное, причем я под этим
хорошим словом, которое один опи-
сывает присоединением себя к этой
категории, а другие — понимают
под ним представителей узкого нал-
равненчества, я беру, в качестве
особенного, чисто русского типа об-
щественных и высоко духовных лю-
дей, самым характерным призна-
ком которых является позалуй,
вселяем. Русские интеллигенты —
Тургенев, Владимир Соловьев, декаб-
ристы, ни в ком случае не Максим
Горький, сколько бы последний ни
учился.

Совестливость и широта круго-
зора — вот два важнейших свой-
ства интеллигента. Глубоко интел-
лигентна вышность Антона Павло-
вича Чехова. В ней много порока,
аристократичности и оинть таки,
копечно в лучшем понимании этого
определения.

Нарек, мужичек исчез совер-
шенно.

У Антоши Чехонте было множе-
ство лотей на московской литера-
турной, театральной и всякой дру-
гой богемы. Милые малые, не дура-
ки вышны, часто ничтожильные из
"дтей ничтожных мира", они вы-
сты дурчались, повчивали. Мно-
гих из них Антоша Чехонте выво-
дил в своих "Сказках Мельпомены",
"Пестрых рассказах", даже не по-
доирывая, что выводит пошлость:
просто было смйшно, и Антоша Че-
хонте смйлся, не возмоясь над
своими персонажами; а то, что вля-
ло над ним, аботалось и охраня-
ло его, — превращало торопильны,